

Александр Евсюков

Прозаик, критик. Родился в 1982 году в городе Щёкино Тульской области. Выпускник Литературного института имени А. М. Горького (семинар М. П. Лобанова). Автор трех книг прозы, нескольких десятков литературно-критических работ. Лауреат и дипломант многих литературных премий. Живёт в Москве.

ЗАМЫКАНИЕ МИРОВ

Михаил Гундарин. #ПесниЦоя. — СПб — М.: Пальмира Rugram, 2022. — 198 с. — (Серия «Пальмира — проза»)

Предупрежу сразу — эта книга не о Викторе Цое. Однако сложно не отметить, что вышла она весьма своевременно, почти в аккурат к 60 (!)-летнему юбилею главного и вечно молодого русского рокера корейского происхождения. Помимо названия, именно его памятник и украшает обложку. Видимо, так либо сошлись звезды, либо же выдержало паузу (как вариант, наоборот — подсуетилось) издательство.

Для общего представления позволю себе привести пространную цитату из предисловия маститого прозаика (а с недавних пор и соавтора Гундарина) Евгения Попова: «Много лет назад я познакомился с ним и его прозой, когда вел семинар в Липках, откуда стартовали некоторые нынешние звезды молодой литературы, к которой — вот вопрос — принадлежит *пока* или *уже нет* Михаил Гундарин, 1968 года рождения, выпускник факультета журналистики МГУ

1991 года? Который за это утекшее в вечность время защитил диссертацию, сделал университетскую карьеру, стал телезвездой, носил гордую кличку "гуру Алтайского пиара", теперь заведует кафедрой в одном из университетов Москвы. Пардон, но меня эти ипостаси его личности интересуют куда меньше, чем его писательство. Радость: снова встретившись с ним прошлой осенью, я с удовольствием обнаружил, что *писателю* Гундарину есть что предьявить городу и миру. Циклы и сборники рассказов, несколько повестей, романов, критические статьи. Увы, почти все это "гундаринское богатство" из его копилки-сундучка пока что слабо публикуется на бумаге и куце представлено в Интернете».

Что ж, не считая все большей востребованности Гундарина в качестве критика и биографа, с последним сложно спорить. Вот и для меня этот сборник стал первым знакомством с прозой автора. Впечатление оказалось весьма многогранным. Видно, что книга написана человеком не только эрудированным и ироничным, но также опытным и наблюдательным — которому есть что рассказать и чем поделиться, — а кроме того, не лишенным вкуса и стиля. То есть тут не так, как в одном из рассказов: «А с этими — дела не сделаешь, ясно было с самого начала. Его и привлекло к ним больше название. Название у группы хорошее, а сами — дрянь. Бывает ли так? Чаше всего так и бывает. Но название хорошее. "Летучие макароны" — классно, ничего не скажешь» («ЛМ, или Приключения Лавкина»).

Сам сборник рассказов и коротких повестей поделен на два условных цикла: первый, побольше, обходится без названия и второй, поменьше, собственно «#ПесниЦоя» (текстов там 12, как раз на музыкальный альбом). Отмечу, что книга Гундарина весьма густо населена, причем как обычными людьми, так и кумирами с обоими знаками: обожаемыми или проклятыми. Вот далеко не полный список здешних персонажей: журналист-практикант, провинциальный рок-продюссер, несколько поэтов (отставных или исчезнувших), бизнесмен, бывший зек, а также образы Цоя, Сталина и Мандельштама... И тут же из-под покрова привычной реальности нет-нет да и выглянут то шаман, то бес, то инопланетяне с Сириуса, то голем, то вообще странное существо с изумрудными шипами на хвосте.

В подобных случаях становится немаловажным такой навык: «Он вообще умел как бы выключаться из происходящего. Динамическая медитация, как он сам это называл, могла происходить в автобусе, в магазине, в кинозале или на светском рауте, куда приходилось сопровождать жену. Ничему эта отрешенность не мешала, а только помогала в делах. Как говорили суфии, настоящий мистик должен быть проявлен во всех мирах — и в этом, и в том». И во многих вещах данного сборника происходит своего рода замыкание между мирами и временами, для одних оставшееся почти незаметным, а для других ставшее роковым. Кто-то, представляясь жертвой, вдруг оказывается хищником, а кто-то, вроде бы неуклонно двигаясь к цели, попадает в ловушку. У героев, привыкших казаться себе и другим цельными и успешными, вдруг выявляется скрытый изъян, который способен погубить и весь их замысел, и всю жизнь. «И потому еще злился Поленов, что чувствовал слабость своей позиции, скрытую трещину в глубине чугунного, огромного и тяжелого монолита. Трещина маленькая, тонкая, но с ней монолит уже и не монолит вовсе, а затрашний вторчермет».

Многие истории сборника — о крушении, точнее о том моменте, когда крушение внутреннее становится или вот-вот станет очевидным для окружающих. «Мы все, разумеется, когда-то терпели кораблекрушение. Без этого нельзя. А как только терпишь крушение, то есть крах, тут есть два варианта. Первый — делать новый быт из обломков корабельных дел. Вешаем на пальму барометр с погнувшимися стрелками, вылив из него три стакана морской воды. Или буссоль. Или астролябию. Второй — искать быт на местности. Камни, галька, деревянные чурбаки из ценных пород дерева. Вот и надо выбирать, потому что иначе куда деваться. Никто, разумеется, ситуации выбора не осознает, все как-то само происходит. И со всеми, без исключения».

Да, происходит со всеми, но не все готовы искать выход в очередной передрыге — часть команды готова пойти на дно. «— Можно присесть? — спросил Колька. Он стал вежлив и церемонен, что парадоксальным образом говорило о его теперь уже безнадежном падении» («Поэт и училка»). «А вот по неожиданной сутулости, да по вихрам, недозволенно пересекающим

границу серого пиджачного ворота, было совершенно понятно: лучшие дни для него миновали навсегда» («Синний лес»).

Пережитые (правда, не всеми) эпохи здесь, как правило, маркируются довольно условно и поверхностно, по десятилетиям. Например, так: «Конец 70-х уже показывал нам грядущие признаки демократического разложения, смотрите, мол, в оба — да кто бы разглядел!» или «конец 80-х был не тем временем, когда все дяди Жоры и тётки Кати могли ему чем-то помочь», или «полезли попса, продажность, русский рок, вся будущая мерзость 90-х, вообще, нечто такое, что изменило навеки страну и сделало нас, хороших таких, юных и веселых, тем, что мы есть сейчас». Однако и 70-е при всей их «застойности», и 90-е при всем известной «лихости», не говоря уж о 80-х до и 80-х же после старта перестройки, были очень разными. И здесь автор нередко отправляет серьезную прозу по сравнительно легкому наезженному пути.

Так что же, и Цой со своими песнями в книге — только ностальгический антураж, повод для хештега? Отчасти да, но также и первоисточник: обозначенные им типажи («генералы», «бездельники», «гуляющие романтики» и т.д.) здесь продолжают жить дальше еще десять-двадцать-тридцать лет, и с каждым что-то происходит. Возможно под ту же самую мелодию. «На стареньком, но вполне годном ноутбуке ставит на всю (небольшую) громкость один и тот же плейлист. Песни его детства и юности. От Цоя и "Нирваны" до "Сплина" и "Оазиса". Как хорошо! Может, все дело в возрасте? Постарел он, может?» («Прогулка романтика»). Да, немало сивок либо укатали-таки крутые горки, либо сморило скучное однообразие.

Ряд образов в книге порой напоминает приснившиеся мысли. «Мне приснилась такая мысль (мысли иногда снятся)». Такой вот рассудочный мистицизм призван приоткрыть изнанку быта, а возможно, и бытия, но именно его рассудочность не позволяет мне, читателю, полностью ему поверить. Местами довольно явно ощущается влияние постмодернизма, которое приводит к нарочитой, не вполне оправданной усложненности. Как будто автор стремится не только рассказать историю, но и, словно профессиональный фигурист, отработать обязательную программу с «тройным и четверным тулупом». И вовсе не случайно

признание одного из персонажей (на сей раз неудачливого писателя): «так вот — я ведь и сам ощущаю тот холодок, который мешает моим книгам стать тем, что называют настоящей литературой. И он же, этот холодок, эта рациональность мешает обратному — превращению в культовое чтиво». Но последнее утверждение все же видится плюсом.

Здорово получаются смены ракурсов, а вместе с ними не единожды сменяются и главные герои — оказывается, что история-то вовсе не о том, в кого мы поначалу вглядывались и с кем внутренне сживались. Реальная поверхность всегда зыбка и ненадежна. Можно выжить в этом мире или же проявиться в других измерениях. Как правило, можно заработать денег тем или иным способом. «Деньги — они как алиби для самого себя и окружающих. Вроде как ответ на вечный вопрос — что делал весь свой век, чего добился? Ответ: разбогател. Ладно, хоть что-то, не зря, мол». Как же так, в чем тут разгадка? Преступник рассчитывает купить свободу с помощью алиби, но в итоге остается в плену, как минимум, у ложной реальности. Чаще всего он чувствует, что деньги, даже очень большие, в России не настоящий ответ, но все равно гонится за этой условностью, в упор не видя иного достойного приложения для своих колоссальных усилий. Сломленный, сломанный герой в погоне за призраком успеха, куда мчишься ты?.. Куда плетешься?